

Не прерывая зрительного контакта, Стикс наблюдает, как юный герой падает в пожирающие душу воды ее реки. С громким всплеском Перси камнем уходит под воду, исчезая в ее темных глубинах. Стикс смотрит на то место, куда упал Перси, но даже самые зоркие глаза не смогли бы определить, что человеческая душа в данный момент борется под проклятыми водами. Стикс опускает взгляд на свои руки, те самые, которые только что обрекли сына Посейдона, и малейший признак сожаления проявляется в самых глубоких уголках обсидиановых глаз, полных ненависти.

— Я ненавижу свою работу, — говорит она, хмурясь. — Но, к сожалению, купание в Стиксе было самым милосердным наказанием, которое я могла ему назначить. — Это почти как если бы Стикс разговаривала сама с собой, но затем новый набор неизвестных голосов отвечает на слова богини.

— Это необходимое зло, — говорит первый с хриплым произношением и тоном, слишком высоким для мужского.

— Чтобы назначать наказания, — продолжает другой голос, также явно принадлежащий пожилой женщине.

— Как средство поддержания порядка. — Заканчивает третья, ее голос до жути похож на два других.

Стикс слегка поворачивает голову, чтобы посмотреть на эти три голоса, и замечает трех изможденных старух, которых определенно не было здесь несколько мгновений назад. У каждой из бабушек серебристо-седые волосы, морщинистые лица, они одеты в одинаковые хлопковые белые платья, и все вместе они держат в своих костлявых руках светящийся голубой клубок пряжи. Хотя эти три женщины кажутся хрупкими, старыми и слабыми, они божественные существа. Они - дети изначальной богини ночи Никс и ее мужа Эреба, изначального бога тьмы. Они являются буквальным олицетворением судьбы, управляющей жизнью каждого живого существа. Они и есть Судьбы.

Та, кто держит клубок пряжи и прядет нить человеческой жизни, известна как Клото. Она - Судьба рождения, которая диктует начало новой жизни.

Женщина, выдающая нить из клубка пряжи Клото и стоящая между двумя другими, известна как Лахесис, Судьба жизни. Лахесис плетет нить жизни человека, решая, в каком направлении и по какому пути пойдет его жизнь.

Последняя сестра - Атропос, которая всегда держит большие и угрожающе острые серебряные ножницы над нитками людей, когда их нити проходят мимо нее. Когда приходит время, Атропос закрывает лезвия, обрывая нить и обрывая жизнь этого живого существа. Она - Судьба смерти, сущностное зло, завершающее круговорот жизни.

Стикс раздраженно вздыхает.

— Да, я думаю, ты права, — бормочет она.

— Я помню, как Персей впервые искупался в твоих владениях, — комментирует Клото. — Всегда сложно внедрить это проклятие в человеческую нить.

Когда Клото раскручивает клубок пряжи, из только что выданной нити начинает выделяться черное токсичное на вид вещество. Незвестный осадок, похоже, вступает в какую-то химическую, магическую или божественную реакцию с нитью, поскольку он выделяет зловещий густой черный дым, как будто расплавляет пряжу. Вещество перемещается дальше по линии, достигая нити в умелых руках Лахесис. Лахесис, кажется, не беспокоится о том, чтобы прикоснуться к веществу, только с интересом поглядывает на него.

— Интригует то, как река взаимодействует с душой и судьбой человека. — Комментирует Лахесис.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что вещество начало просачиваться в саму нить, меняя ее цвет с сияющего ярко-синего на мерцающий тусклый темно-синий.

— Атропос, кто-нибудь из смертных выжил после повторного получения Проклятия Ахилла раньше? — Лахесис спрашивает свою сестру.

— Это возможно, но крайне маловероятно. — Прежде чем Атропос успевает ответить, вмешивается Стикс, взволнованный возможностью поделить своим опытом по этому вопросу. — Эта дочь Афины - смертельная точка Персея Джексона. Теперь, когда его оторвали от нее, у него не хватит решимости продолжать существовать в этом мире смертных.

— Ты права, Стикс, — отвечает Атропос с безумным блеском в глазах. — Пока мы разговаривали, его душа все это время растворялась. Персея Джексона больше нет. — И с этими последними словами Атропос заканчивает свою жизнь, решив, что ножницы зацепятся за нить Перси.

Меня заставили поверить, что смерть - это самая страшная боль, которую может испытать человек...

Я забыл, каково это - купаться в Стикс.

Никакие слова и близко не подходят к описанию того, каково это, когда разрушается сама твоя душа. Жидкость настолько загрязнена, настолько токсична, что не просто проникает внутрь и сжигает клетки человека. Они проникают глубже, расщепляя простейшие и мельчайшие

атомы в таблице Менделеева. Яд проникает сквозь протоны и нейтроны, локализует и задерживает электроны, а также выискивает и разрушает мельчайшие кварки. Даже тогда вода становится глубже. Яд проникает в самую вашу сущность, само ваше существо, вашу душу. Это проникает в ваш разум, затуманивая ваши мысли, как будто вода разрушает сами ваши воспоминания и когнитивные способности.

Если вы не в состоянии сформировать якорь, как при концентрации вашего смертного существования в единственной точке вашего существа, тогда река растворит ваше тело и душу, стирая вас из всего сущего. Боль умирания, агония от того, что функции вашего организма нарушаются, и ощущение, что ваша душа уносится в другое измерение, - это уже неопиcуемый опыт. Если это то, что вы чувствуете, умирая, представьте, каково это - умирать вашей душе. Все, что я могу сказать, это то, что это совсем не похоже на то, что чувствовали бы ваши физические нервы и болевые рецепторы. Это... все равно что пытаться объяснить двумерной фигурке, что такое 3-е измерение.

Это больно. Так много. Но я не могу поддаться боли, мне нужно прислушаться к тому, что Нико сказал мне почти 2 года назад. Мне нужно сконцентрироваться на том, что связывает меня с миром смертных, и сфокусировать это чувство на одной точке вне моего тела.... Но я просто не могу. Я просто хотел прожить свою жизнь с Аннабет. Я пожертвовал кровью, потом, слезами и годами ведения безнадежных войн и сражений, чтобы спасти мир, где мы могли бы быть вместе. Но потом я умер. Вся эта борьба и страдания были напрасны. Даже если я выберусь из этой реки, Стикс гарантирует, что я никогда больше ее не увижу. Какой смысл жить... Какой смысл существовать, если я никогда больше не смогу увидеть Аннабет?! Если я просто отпущу все и буду парить здесь... Мне больше не придется страдать.

Воды Стикса ничто по сравнению с ощущениями от того, что я больше никогда не увижу эти грозные серые глаза. Как я могу продолжать, если я не вижу, как очаровательно морщится ее лицо, когда она думает? Или как ее глаза загораются ликованием, когда встречаются с моими. И то, как она хватается за руку и тащит к какому-то старому скучному зданию, выплевывая архитектурный жаргон, который влетает в одно ухо и вылетает из другого. Мое сердце замирает всякий раз, когда я вижу, как ее загорелые вьющиеся светлые волосы мягко развеваются на ветру, и оно замирает каждый раз, когда она бросает на меня раздраженный взгляд, когда я дразню ее или обрызгиваю озерной водой...

Стоп. Почему я думаю о ней? Это противоречит здравому смыслу. Я уже решил, что хочу пойти, думать о ней - полная противоположность тому, что я должен делать прямо сейчас.! Но все равно, даже когда я закрываю глаза, все, что я могу видеть... - это ее лицо.

Нет! Я должен продолжать существовать! Ради Аннабет! Мы можем не увидеть друг друга сто лет, тысячелетие или вообще никогда, но я не могу позволить воспоминаниям о ней умереть вместе с моей душой. Аннабет не хотела бы, чтобы я сдался. Она бы хотела, чтобы я продолжал бороться, сбежал из этой реки и жил своей жизнью!

Кислотность Стикса невыносима, но, как дитя Посейдона, ничто не может заглушить мой мысленный образ Аннабет. Я сосредотачиваюсь на всем, что связано с ней: на первых словах, которые я услышал от нее, на том чувстве облегчения, которое мы испытали, когда, спотыкаясь, вышли из дверей смерти, и, конечно, на том волшебном поцелуе под водой,

которым мы обменялись. Она - мое все, то, что делает меня человеком, мой смертный якорь.

<http://tl.rulate.ru/book/100724/3507838>